

Лун Сяюань и Ши Цинчжоу бросились ко дворцу Сюшуй. К тому самому, где будущая мать долго проработала служанкой. И пусть сейчас ее сомнительная карьера пошла в гору, девушке никто не выделил отдельных покоев. Фактически ее заперли в комнате во внешнем зале дворца, под носом у наложницы Цю. Правда та проживала во внутренних покоях и ни при каких условиях не могла подойти к бывшей служанке. Даже едой девушки занималась специально обученная дворцовая дама на маленькой, индивидуальной, кухне. Ничего, что не прошло проверку, не было допущено к будущей матери. Только парочка теневого стражей могли входить в ее покои, ради доставки еды.

Казалось бы, чиновники продумали все ради защиты будущего наследника. К девушке не допускали даже родню и других высокопоставленных особ, независимо от их статуса и прочих заслуг. Поэтому новость о случайном падении прозвучала как минимум странно. Неужели девушке кто-то помог? Что за черт?!

Однако прежде чем приняться за расследование возможного заговора, нужно удостовериться в здоровье женщины и ребенка. Благо, что акушерка уже прибыла в покои, а снаружи толпились врачи, среди которых был Чжан Юань. Он же первым вошел в комнату, решив удостовериться в происходящем.

Лун Сяюань прекрасно знал о преданности лекаря Ши Цинчжоу, поэтому не волновался по этому поводу. Однако императрица все равно поглядывала на супруга, отслеживая изменения в выражении его лица. Ночью они так и не поговорили, но император выглядел как обычно.

Чета прошла во внешние покои, в то время как евнухи и дворцовые служанки разве что не выстроились к монарху с докладами. Как выяснилось, девушка в самом деле упала случайно: просто зацепилась ногой о подол юбки и рухнула на пол. В этот момент рядом с ней никого не было, так что произошедшее можно считать несчастным случаем.

Новости едва не лишили Сяюань дара речи. Если будущая мать упала по собственной неосторожности, это в должной мере говорит о ее беспечности, неосторожности и недальновидности. Девушка всего на седьмом месяце, преждевременные роды навредят не столько ей, сколько малышу!

Брови императора поползли к переносице. Он рассчитывал получить здорового наследника, рассчитывал вырастить из того кронпринца, будет нехорошо, если младенец родится слабым или погибнет в раннем возрасте.

Из покоев девушки доносились душераздирающие крики. В какой-то момент Лун Сяюань попросту стало неуютно находиться рядом. И Ши Цинчжоу быстро это заметил, поэтому поспешил прошептать:

— Ваше Величество, не стоит бродить рядом с роженицей. Это плохая примета, давайте выйдем и подождем снаружи?

Как человек из будущего, Сяюань не верил в приметы и прочие старческие предрассудки. В

конце концов, в современном мире отцы нередко сопровождали своих возлюбленных во время рождения ребенка. Просто нынешней девушке не повезло, Сяююань не испытывал к ней чувств, поэтому не собирался как-либо подбадривать и следить за ее состоянием. Важен только ребенок.

— Хорошо, идем.

Императорская чета с удобством устроилась во внешнем зале. Евнухи подали им чай и закуски. Время застыло в томительном ожидании. Как оказалось, разродиться новоявленной наложнице было сложно. Лишь спустя пару часов Чжан Юань вышел к господам и сказал:

— Ваше Величество, наложница Хо вряд ли сможет разродиться самостоятельно, — поклонился лекарь. — Ребенок слишком долго пробыл в животе матери, ему срочно нужно покинуть лоно. Но наложница Хо боится...

У императора пытаются аккуратно спросить, чья жизнь в приоритете? Матери или ребенка?

Признаться, для Сяююаня, как для человека современного, это не самый простой вопрос. Он не знал и не помнил эту девушку, но все равно не мог с абсолютным равнодушием отправить ее на смерть ради младенца. Переселившийся просто не мог принять столь сложное, важное решение.

На помощь императору пришел Ши Цинчжоу. Молчаливый и задумчивый, он налегке произнес:

— Жизнь ребенка Дракона важнее.

— Слуга понимает, слуга поспешит исполнить приказ, — поклонившись, Чжан Юань вышел из зала.

Во взгляде монарха смешался страх, уважение, шок и что-то вроде неприятия. Он с несколько секунд смотрел на свою императрицу, не зная, что сказать.

— Вашему Величеству не понравилось, что я сам принял решение?

— Что ты, — улыбка императора была горше, чем самое черное лекарство, — как можно. Ты лучше всех выразил мои мысли.

Ши Цинчжоу подарил супругу скромную улыбку, а Сяююань, пока тот не видит, тяжело вздохнул.

<http://bllate.org/book/14215/1253489>